УДК 811.161.1’374

Н. В. Гатинская

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия
E-mail: kurilenko@med.rudn.ru

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ОДНОЙ МОДАЛЬНОЙ ЛЕКСЕМЫ: *ПО-ВИДИМОМУ*

Значение «зримости» лексемы *по-видимому* в русском языке происходит от слова *видимый.* Однако это значение утрачено в современном употреблении лексемы, которое определяется гипотетичностью и смыслом логического вывода, создаваемым предлогом *по* со значением мотивировки.

Ключевые слова: модальное слово, понятийная категория, достоверность, гипотетичность.

Модальные слова – это категория слов сравнительно новая, они восходят к единицам, ранее выполнявшим в высказывании другие функции. Это были знаменательные единицы и служебные. Специфику всего этого разряда единиц определяют модальные слова, произошедшие от прилагательных (*вероятно*, *очевидно*, *конечно* и пр.). Модальное слово *по-видимому* также атрибутивного происхождения.

В настоящей работе используется термин *модальная оценка*. Этим термином мы охватываем обе стороны, оба полюса модальных значений: 1) оцениваемый говорящим статус ситуации по отношению к действиительности (реальность / ирреальность высказывания); 2) отношение говорящего к сообщаемому, выражаемое главным образом в оценке достоверности сообщаемого, как это принято считать в русистике [Золотова, 1973].

Модальные слова в русском языке специализируются на выражении модальной оценки. Модальные значения, выражаемые этими служебными словами, относятся к понятийным категориям [ЛЭС, 1990. С. 385; Мещанинов, 1978. С. 236, 238]: *вероятности* [Гатинская, 2003], *кажимости* [Арутюнова, 1996; 1997; Гатинская, 2001], *достоверности* [Гатинская, 2004 2008]. Автором данной статьи сформированы закрытые списки показателей трех категорий модальных оценок:

1) вероятности: *наверное* (*наверно*), *наверняка*, *должно быть*, *по-видимому*, *видимо*, *вероятно*, *очевидно*, *может быть*, *авось*;

2) кажимости: *как будто*, *как бы*, *будто*, *будто бы*, *как будто бы*, *словно*, *точно*, *казалось*, *кажется*, *вроде бы* (*вроде*), *вроде как*;

3) достоверности; это слова-предложения согласия / несогласия в ответной реплике на общий вопрос: *конечно*, *разумеется*, *несомненно*, *бесспорно*, *безусловно*, *действительно*, *точно*, *на самом деле*, *пожалуй*, *возможно*, *едва ли*, *вряд ли*.

1. Основой для выражения модальной оценки вероятности и достоверности в русском языке послужили базовые смыслы, которые выражают атрибутивные слова *видимый*, *верный*, *точный*, *истинный*.

Использование идеи «видимый» связано с тем, что из всех своих чувств человек больше всего доверяет зрению. Слова с основами *ВИД-*; *ВИДН-* используются как средства понятийной категории достоверности, восходящей к более ранней категории эвиденциальности (засвидетельствованности) [Гатинская, 2004; 2008]. Удостоверяя перед самим собой и адресатом реальность события, о котором он говорит, говорящий апеллирует к непосредственному восприятию – к зрению. Он говорит, что *видел это*. Этого свидетельства достаточно для удостоверения в том случае, если нет указаний,

© Н. В. Гатинская, 2012

что это было во сне или было галлюцинацией.

Слова, относящиеся к одному словообразовательному гнезду в древнерусском – *видъ*, *видѣти*, *видѣнъ* – дали впоследствии самое большое количество модальных слов. Это лексемы *очевидно*, *видимо*, *по-видимому* и *видно*. Внутренняя форма этих единиц отсылает к зрительному восприятию, но в современном русском языке все они не имеют отношения к выражению достоверности. Наряду с другими показателями гипотетичности, например, такими, как *вероятно*, они маркируют логический вывод говорящего.

2. Словари современного русского языка дают одно значение лексемы *по-видимому* – только во вводном употреблении через синоним ‘вероятно’ [ОШ 1997. С. 544], но если заглянуть в словари, интерпретирующие тексты XIX в., то находим значение, которое теснее связано с внутренней формой, с глазами. Так, в словаре языка Пушкина в статье *по-видимому* первым дано значение: ‘по внешним признакам, проявлениям, как кажется по внешнему виду’ [Сл. яз. Пушкина, 2000. С. 416].

Отдельным примерам из этого словаря уже необходим добавочный комментарий. В примере из «Путешествия в Арзрум»: *Он* [Ермолов] ***повидимому*** *нетерпеливо сносит свое бездействие* – Словарь языка Пушкина определяет значение этого слова как «по всей вероятности». При такой трактовке это слово оказывается вне структуры предложения. Налицо полисубъектность: есть субъект высказывания в третьем лице, и есть «я» говорящего, выражаемое словом *по-видимому*. Но последующий контекст высказывания *Он* [Ермолов] ***повидимому*** *нетерпеливо сносит свое бездействие. Несколько раз принимался он говорить о Паскевиче и всегда язвительно; говоря о легкости его побед… называл… графом Ерихонским* [Пушкин, 1978. С. 434] позволяет иначе интерпретировать этот пример: *со стороны видно*, что Ермолов нетерпеливо сносит свое бездействие.

Такая трактовка «оставляет» *по-видимому* внутри предложения. Позиция внутри предложения допускает двойное прочтение: 1) *по-видимому* выражает «я» говорящего; 2) это слово обозначает знание, доступное всем. Мы отдаем предпочтение второму варианту. То же самое можно сказать о примере из повести «Дубровский»: *Мальчишка силился от него отделаться. Он был* **повидим<ом>у** *двумя годами старее Саши, и гораздо его сильнее* [Там же. С. 201]. – Мальчишка *по виду* был двумя годами старше Саши.

Предложение из «Капитанской дочки» «*Мы* [Гринев и Швабрин] *вышли от коменданта* **по-видимому** *примиренные*», с точки зрения носителя современного русского языка, может обозначать, что они, *наверное*, примирились, т. е. предположение. Но субъект высказывания выражен формой 1-го лица. Присутствует и синхронный наблюдатель (последующее высказывание: *Иван Игнатьич нас сопровождал* [Там же. С. 286]).

Повествование в этом же абзаце показывает, что соперники примирились только для того, чтобы им не помешали через некоторое время сразиться в поединке. Итак, они вышли *внешне* примиренные, *делая вид*, что примирились.

В этом примере совмещены два смысла лексемы *по-видимому*: 1) ‘по виду, по внешним признакам’ и 2) ‘кажущееся’.

Значение «кажущееся / опровергаемое» лексема *по-видимому* унаследовала от субстантивированного слова *видимое* – одно из значений прилагательного *видимый* в текстах XVIII в. – ‘внешний, кажущийся, относительный’ [СлРЯ XVIII, 1987. С. 158]. В подобных примерах отражено противопоставление, идущее из Библии. *Видимое* как ‘внешнее, неистинное’ противопоставлялось *невидимому*, *внутреннему* как ‘сущему, истинному’. Это представление реализуется в употреблении слова *видимый* и в светских текстах, что отражено в исторических словарях. В СлРЯ XVIII значение ‘внешний, кажущийся, относительный’ иллюстрируется примером: *Должно тщательно различать* **видимую** *тѣла величину от сущей онаго величины* (Эйлер. ПП I 136) [Там же].

См. также в православных проповедях: *Мы в нем* [Крещении] **повидимому** *погружаем тело в водах купели; но* **невидимо** *вкупе в нем погружаем ветхаго человека с деяньми его, то есть все то, что в нас есть тлетворно и вредно, и становимся обновленными духом* (арх. Платон (Левшин). Слово на крещение Господне, 1779) [1].

[1] Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru

3. В современном русском языке значение зримости в лексеме *по-видимому* редуцировано, практически стерто. Его вытесняет смысл логического вывода. Благодаря предлогу *ПО* хорошо воспроизводится модель: *ПО* + дат. п. имени.

Е. В. Рахилина, исследуя предлоги с точки зрения когнитивного подхода, отметила, что предлог *ПО* до сих пор дает ассоциации на такую валентность имени, как *мотивировка* (*по* + дат. п. имени). Ср.: *По глазам вижу. По шагам тебя различаю. Я по голосу понял, что ты расстроена* [2000. С. 319].

Но надо отметить, что в данном случае это было особое имя – субстантивированное причастие *видимое*. В древнерусском языке такая субстантивация была очень продуктивна. Иногда создавались даже пары субстантивированных имен прилагательных или причастий, противопоставленных по показателю числа. Например, *видимое* (ед. ч. ср. род) – *видимая* (мн. ч.). В СлРЯ XVIII зафиксированы обе формы. Например: *Бог сотворил есть из ничего вся* **видимая** *и невидимая* (Геогр. 1710 1). *Рыбы, птицы и звѣри и все* **видимое** *на свѣтѣ принадлежит боярам* (Смесь 212) [СлРЯ XVIII, 1987. С. 157].

Итак, лексема *по-видимому* составлена из предлога и бывшей именной словоформы в дательном падеже субстантивированного причастия *видимое*. Это один из немногих случаев, когда модальное слово представляет собой форму косвенного падежа имени с предлогом.

Гипотеза о происхождении этого модального слова принадлежит В. В. Виноградову. В своем труде по истории слов он пишет: «Модальное слово *по-видимому* возникло в конце XVIII – в начале XIX в. из выражения *судя по видимому* (и отдельно: *по видимому*). Так, у Н. Полевого “Мешок с золотом” находим: “Я уверен, что люди добрее, нежели мы о них думаем, судя *по видимому*”» [1994. С. 790]. Отмечено также, что происхождение выражения *по видимому* с канцелярским стилем тесно связал О. И. Сенковский. Он поставил его в один ряд со словами: *сей*, *оный*, *посему*, *долженствовать*, *упомянутый* и т. п. [Там же].

У этой лексемы странный, неуклюжий вид. Она действительно больше похожа на выражение, оборот деловой переписки, чем на речевые единицы, многократно обкатанные в устной речи. В устной речи существует и усеченный вариант *по-видиму*. Вариант *по-видиму* представлен в словарной статье *по-видимому* в Словаре языка Пушкина в примере из повести «Дубровский», он мог быть в авторской рукописи повести, напечатанной после смерти Пушкина. В этом виде он отражен и в примере из челобитной XVII в.: *А* ***повидиму что*** *желая по злобе своеи и паки ссорится чемъ и похваляетца* [РИС 2000. С. 201].

Это слово было довольно популярно в текстах второй половины XVIII в. Картотека Словаря русского языка XVIII в. (КС XVIII) содержит более 50 примеров его употребления в разных сферах письменной речи. Оно использовалась в текстах естественно-научной тематики: М. Ломоносовым, в «Физике» Крафта. Разнообразно употреблялось оно и в переводах художественных произведений (с французского): Лесажа «Повести о бесе», 1763; Фильдинга «Повести о Томе Ионесе», 1770; Свифта «Путешествие Гулливера», 1772. Его употреблял в своих переводах очень требовательный к языку Н. М. Карамзин.

Это слово обнаружено нами и в текстах первой половины XVIII в. – в наследии В. Н. Татищева: в его «Истории Российской» и в письме к В. К. Тредиаковскому 19 февраля 1736 г.: *Что народнаго употребления иноязычных слов касается, то,* ***по-видимому*** *ничего в том опасаться причины не было* [Татищев, 1990. С. 227].

В этом примере слово *по-видимому* имеет значение ‘вероятно’. Но в том же письме Татищев употребляет этот показатель при противопоставлении: *Стих «Иже херовимы» слышим каждодневно, да силу его едва кто точно разумѣть может. Хотя сие дело,* ***по-видимому****, невеликой важности,* ***но*** *когда вспомянем прошедших времен и настоящее ис того произшедшее зло, то не без горести видеть и сказать можем: <…> как тогда* [при царе Иване Васильевиче] *ученых недостаток был, так и оное собрание мало что полезное сделали* [Там же. С. 226].

В его «Истории Российской» (в главах 1–20 первого тома) более 10 примеров со словом *по-видимому*. В. Н. Татищев использует его только в значении ‘вероятно’, хотя оно не всегда выделено запятыми [Татищев, 1962]. «История» была издана в 1768 году Г. Ф. Миллером после смерти Татищева (1750 г.).

В самых ранних примерах это слово используется как показатель гипотетичности: *Король Швецкой съ войски въ прежнихъ мѣстахъ стоитъ на кватерахъ, а куда его намѣреніе будетъ, о томъ еще невѣдомо: покажетъ впредь время.* ***По-видимому*** *не надобно много сумнѣватца о вымыслѣ короля Швецкого и кардинала съ товарыщи, что ихъ злымъ вымыслом учинена въ Варшавѣ конѳедрацыя, на которой явно объявили детронизацію* (В. В. Долгоруков – Ф. А. Головину, 27 февраля 1704) [Письма…, 1893. С. 553].

Самое раннее употребление этого слова (1698 г.) зафиксировано современным историческим Словарем: **По-видимому**. вв. сл. По-видимому, видимо. *А от стряпчего,* ***по-видимому****, гсдрь, доброва смотрит<ь> от него нечего* (Грамотки, 180. 1698) [СлРЯ XI–XVII, 1989. С. 158].

Таким образом, вполне возможно, что показатель *по-видимому* возник из оборотов *судя по видимому*, *судя по всему видимому*, *по всему видимому* из деловой переписки языка приказных петровских времен, т. е. конца XVII – начала XVIII в. С того времени как она была зафиксирована в текстах, лексема *по-видимому* использовалась в трех функциональных вариантах:

1) в значении ‘по виду, по внешним признакам’ была обстоятельственным компонентом предложения, обозначающим мотивировку того, что высказывается;

2) как модальное слово со значением ‘вероятно’;

3) как дискурсивное слово со значением кажущегося / опровергаемого (высказывание иногда оформлено как противительная конструкция).

Второй и третий функциональный вариант – это употребления *по-видимому* в качестве служебного слова, которое выполняет текстовую функцию вне структуры предложения. Третий функциональный вариант характерен для текстов XVIII–XIX вв. и в современном русском языке не используется. Примерам типа: *От чего случается, что младенчество, обѣщавающее* **по видимому** *многіе плоды, весьма мало оныхъ приноситъ* Фенелон (Воспитание девиц, 1763, 43) [Картотека СлРЯ XVIII] – в современном русском языке в определенной степени соответствует фразеологизированная конструкция с дискурсивным словом *казалось бы*. Например: ***Казалось бы*** *все места заняты, каждая отрасль имеет своего представителя и не одного;* ***но*** *искусство беспредельно, приходит новый незнакомец и спокойно занимает свое место, никого не тревожа, и если ему есть что сказать, он найдет слушателей* (А. Крамской – И. Репину, 6 января 1874).

В некоторых примерах из текстов середины XIX в. *по-видимому* в сочетании с союзом во второй части высказывания формирует противительный период: ***По-видимому****, поэзия г. Языкова исполнена бурного, огненного вдохновения,* ***но*** *это не более, как разноцветный огонь отразившегося на льдине солнца* [Белинский, 1955. Т. 8. С. 459]. *Что такое фельетон? Это болтун,* ***по видимому****, добродушный и искренний,* **но** ***в самом деле*** *часто злой и злоречивый, который все знает, все видит, <…> колет эпиграммою и намеком, увлекает и живым словом ума и погремушкою шутки* [Белинский, 1956. Т. 10. С. 89]. ***По-видимому****, нет ничего легче,* **а** ***в сущности*** *нет ничего труднее, как писать о русской литературе. Это потому, что русская литература все еще младенец* [Белинский, 1955. Т. 9. С. 436].

В таких примерах высказывание строится по типу антитезы. Автор резко обозначает свою позицию, открыто выражает свое мнение. Но дискурсивное слово *по видимому* использовалось и в иной речевой стратегии, тогда решалась другая задача – оставить недосказанное, не ставить все точки над «i», доказать мысль, не обнаруживая открыто своей собственной позиции. Это вежливость светского человека, толерантность по отношению к собеседнику, сопернику в словесном поединке. Вероятно, в этом сказывалось влияние светского стиля общения на французском языке, и, может быть, эта некатегоричность лексемы *по-видимому* отражена в толкованиях САР-2 и СЦРЯ: *По-видимому,* нар. Как кажется, по наружности, по приметам каким-либо [САР-2, 1822. С. 1172]. В СЦРЯ: Сколько видно из обстоятельств; как кажется [1847. С. 239].

Анализ примеров показал, что семантическая структура слова *по-видимому* складывалась из смыслов, отсылающих к производящему слову *видимый*, а также из грамматического значения предлога *по* + $N_{\text{дат. п.}}$, который в обстоятельственном компоненте предложения задает смысл мотивировки того, что высказывается говорящим.

Список литературы

Арутюнова Н. Д. Стиль Достоевского в рамках русской картины мира // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Сб. науч. ст. памяти Т. Г. Винокур / Под ред. Н. Н. Розановой. М.: Наука, 1996. С. 61–90.

Арутюнова Н. Д. Модальные и семантические операторы // Облик слова: Сб. ст. памяти Д. Н. Шмелева. М.: Рус. словари, 1997. С. 22–40.

Виноградов В. В. Из истории слов: Сб. науч. тр. М.: ТОЛК, 1994. 1138 с.

Гатинская Н. В. О функционально-семантическом описании модальных слов – знаков кажимости // Русский язык за рубежом. 2001. № 1. С. 47–51.

Гатинская Н. В. Концепт «вероятность» в русском языке // Вестник РУДН. Сер.: Русский язык нефилологам: теория и практика. 2003. № 1 (4). С. 13–18.

Гатинская Н. В. Семантика достоверности и модальные значения в русском языке // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Филология. СО РАН (в честь 80-летнего юбилея М. И. Черемисиной). 2004. № 4. С. 31–39.

Гатинская Н. В. Из лексикона достоверности: форма *въ очию* в древнерусских памятниках // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией: Сб. науч. ст. / Под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Индрик, 2008. С. 229–250.

Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка: Моногр. М., 1973. 351 с.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с., илл.

Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи: Моногр. 2-е изд. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1978. 386 с.

ОШ 1997 – *Ожегов С. И.*, *Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 939 с.

Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость: Моногр. М.: Рус. словари, 2000. 415 с.

РИС 2000 – Региональный исторический словарь второй половины XVI – XVIII в. (по памятникам письм. Смоленск. края) / Под ред. Е. Н. Борисовой. Смоленск, 2000. 367 с.

САР-2 – Словарь Российской Академии по азбучному порядку расположенный. 2-е изд.: В 6 ч. СПб.: Акад. наук, 1806–1822. СПб.,1822. Ч. 4. 1536 с.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1989. Т. 15.

СлРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII в. / Под ред. Ю. С. Сорокина. Л.: Наука, 1987. Вып. 3.

СЦРЯ 1847 – Словарь церковно-славянского и русского языка, сост. вторым отделением Имп. Ак. наук: В 4 т. СПб.: Тип. Имп. Ак. наук, 1847. Т. 3. 589 с.

Сл. яз. Пушкина – Словарь языка Пушкина: В 4 т. 2-е изд. М.: Азбуковник; Ин-т рус. яз. РАН, 2000. Т. 3. 1282 с.

Список источников

Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959. М., 1955. Т. 8. 728 с.; М., 1955. Т. 9. 804 с.; М., 1956. Т. 10. 475 с.

Письма и бумаги Петра Великого: В 3 т. СПб.: Гос. тип., 1893. Т. 3: 1704–1705.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Л.: Наука, 1978. Т. 6.

Татищев В. Н. История Российская: В 7 т. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 1. 500 с.

Татищев В. Н. Записки, письма 1717–1750 гг. // Научное наследство. М.: Наука, 1990. Т. 14. 439 с.

Материал поступил в редколлегию 03.11.2011

N. V. Gatinskaya

SEMANTIC HISTORY OF THE ONE MODAL LEXEME: PO-VIDIMOMU

The meaning of the lexeme *po-vidimomu* in Russian indicating «sighting» results from the word *vidimyi.* However, this meaning was lost in the modern usage of the lexeme, which is determined only by hypothetity and sense of a logical conclusion constructed by the preposition *po* with the meaning of motivation.

Keywords: modal word (modal adverb), conceptual category, certainty, hypothetity.